

узнула, — удивился я сугубо для себя, — что принесли куриное блюдо?! Но самое смешное и примечательное — Рыжик часами может гоняться не за дичью, появляющейся во дворике в виде птиц (что было бы правильнее для собаки), а за бабочками, мухами, струями воды из-под шланга и так далее. Есть, правда, одно правило, которое она никогда почти не нарушает — подойдя к хозяйской веранде, Рыжик без разрешения Виктора или Ирины никогда не ступит на эту территорию. Ей разрешено подняться передними лапами лишь до третьей верхней ступеньки. Видимо, очень серьёзным был прокол, когда она поднималась выше. Теперь, и по ней это заметно, Рыжик старается не нарушать установленный порядок.

Барбоске, несмотря на совершаемые ею дисциплинарные нарушения, в силу возраста что ли, позволено гораздо больше, чем Рыжику. Она может поваляться и на хозяйской веранде, и в их уютном жилище, поспать возле роскошных (с блеском перламутра) кресел у стойки бара, где разливают для отдыхающих вино по звонким бокалам и пьют коктейли, где можно посмотреть плазменный телевизор с огромным экраном. Но частенько ей становится этого мало, и Барбоска пускается во все тяжкие. В правом крайнем углу Г-образного гостевого дома специально предусмотрен и сделан удобный лаз и за ним дыра в заборе для кошачьих походов. Так вот, дождавшись ночи, Барбоска «кошачьей тропой» выбирается за пределы

двора на пустынно-пустынное пространство, где кроме тьмы нет ни одного живого существа и ни одного строения. Там она дико отлаивается, выговаривается, набравшись за день впечатлений, обид. Затем, обогнув дом и двор, огороженный высоким дощатым забором из обработанного горбыля, покрытого лаком, подходит к калитке и уже тут истошно снова лает, просит открыть, выпустить домой. Виктор, хозяин отеля, под одобрительными взглядами отдыхающих, идя открывать, возмущается всякий раз, говоря одно и то же:

— Тебя, шельма, никто не выпускал. Ты ни у кого не отпрашивалась. А теперь требуешь, чтоб выпустили. Да кто ты такая? Вот открывай сама, как хочешь!

И только у кошки с именем кота Гриши есть абсолютное преимущество перед остальными — она не просто входит в жилище и даже в опочивальню хозяев, а спит с ними в одной постели и храпит порой сильнее, чем они.

Однажды Гриша, будучи уверена, что никто этого не видит (я сидел в глубине веранды и читал беллетристику), подслеповато крадучись, проникла в мой номер, однако вскоре вылетела из принадлежащих мне покоев с задранной хвостом, напугавшись, по всей видимости, здоровенного паука, напоминавшего тарантула и поселившегося у меня под кроватью, или же, что наиболее вероятно, дрогнув, от голода семилетней девочки Сони из соседнего номера, которая, принимая завтрак, всё время грызлась, но, выслушав всё-таки

машины воспитательные советы, вдруг рывкнула на родительницу, стукнув кулаком по столу:

— Не вредничай! Давай!

После этого Гриша никогда ко мне не наведывалась.

Апофеоз же показательно-нерасторжимых отношений человека и животного мира наступал в утренние часы, когда живущие в отеле люди с сумками, надувными крокодилами, матрасами, кругами уходили на море. Тогда опустевший дворик с цветущим садом начинал действительно напоминать чудесный эдемский уголок, по мощёной дорожке которого передвигался хозяин отеля, как рыцарь в латах, но с открытым забралом — так выглядела пластика движения, физически сильный человек, озадаченный последовательностью выполнения простой домашней работы. А за ним топало, перемещалось в том же ритме и с такой же, похожей на человеческую, озабоченностью стадо его питомцев. Таким образом, Виктор в неизменных красных шортах, с загорелыми голым торсом и ногами, обритый налысо и его животный мир, шагавший следом строго по росту и по ранжиру — Рыжик, Барбоска, Гриша — активно приступали к повседневным заботам. В это самое время ясноглазая, с очаровательной улыбкой хозяйка Ирина находилась уже на рынке, закупая продукты для замечательного своего отеля.

Сладкие всё-таки воспоминания о море, солнце, людях и животных возникают и

ложатся на бумагу, несмотря на то, что в ночи за окном вновь начинается дождь, сверкает молния и грохочет раскатистый гром.

Милицейский патруль

В лихие 90-е ушедшего столетия, когда сквозь наши руки, как нечего делать, не задерживаясь, проходили стотысячные купюры, хорошо подзаработав, я купил за миллион двести тысяч рублей шикарный костюм. Иду в нём по центру Москвы, по теперешней Большой Никитской, а на встречу патруль милицейский.

— Ваши документы? — требуют предъявить два подтянутых милиционера.

Достаю из внутреннего кармана элегантного пиджака свой паспорт (уже тогда мы научились не расставаться с этой единственной удостоверяющей личность российского гражданина книжицей) и подаю стражам порядка.

Они, как нарочно, стали копаться и якобы внимательно изучать паспортные страницы. Я не выдержал и спрашиваю:

— Ребята! А чего это вдруг вы меня останавливаете? И проверяете?!

— Дело в том... — сказал, отдавая паспорт, один.

А второй, козырнув, подозрительно добавил:

— Что в таких костюмах пешком не ходят!

Глядя им вслед, я так и не нашёл, что возразить.

На кончике пера — бушующее море

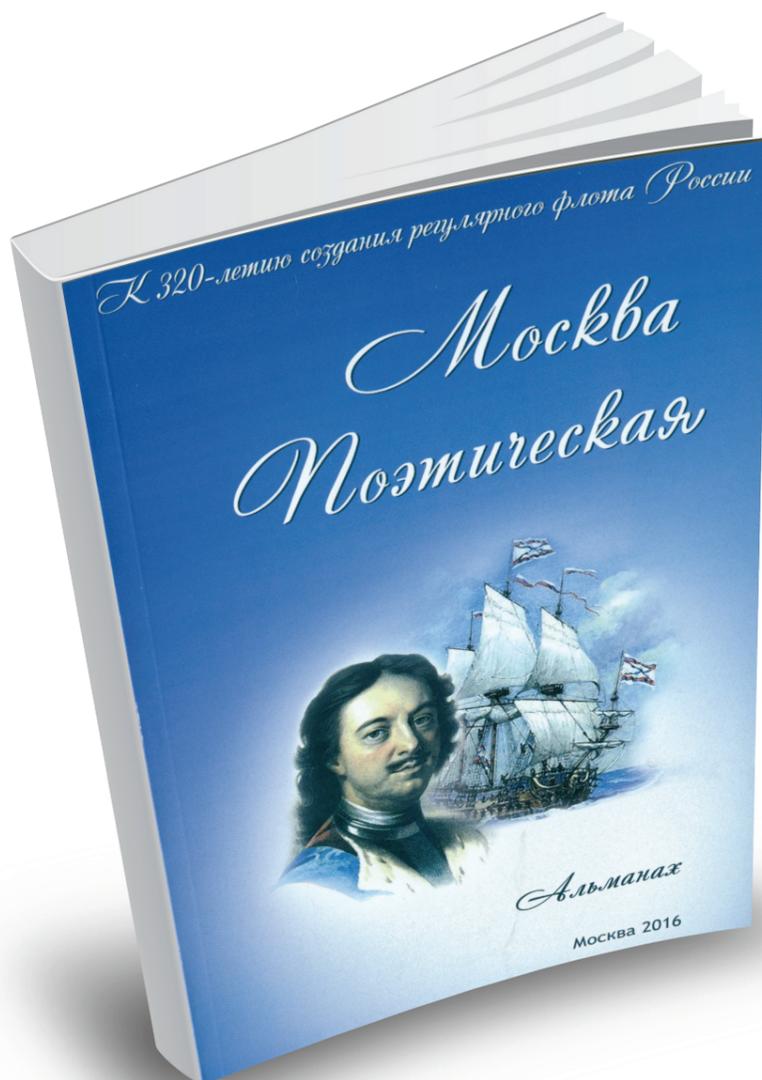
30 октября наша страна отметит 320-летие Российского Военно-Морского флота. Этому эпохальному событию посвящён 16-й выпуск альманаха «Москва Поэтическая»

20 октября (по старому стилю) 1696 года, Боярская Дума — тогда высший совещательный орган государства, приняла решение, что Россия должна иметь собственный военно-морской флот. По настоянию Петра I бояре вынесли вердикт: «Морским судам быть!». Эту дату принято считать днём рождения русского регулярного военно-морского флота.

Уже к весне 1697 года были сооружены два крупных военных корабля и несколько мелких. Русская армия вновь направилась к Азову, и на этот раз страна получила выход к морю. Через несколько лет работа по созданию флота началась также на Балтике, но по праву колыбелью русского военного флота считается Воронеж. Наши прадеды, деды, отцы, братья, мужья с честью несли и несут звание русского моряка, звание столь же высокое, как Андреевский флаг на гафеле боевого корабля!

Этому событию был посвящён музыкально-поэтический конкурс «На кончике пера бушующее море», который Москвичи Поэтические провели на интернет-портале «Литсовет» при поддержке Российского государственного военного историко-культурного центра при Правительстве Российской Федерации в рамках VI Музыкально-поэтического фестиваля «Дежурство по Апрелью» им. А.А. Карлова-Дурново.

2016 год богат юбилейными датами и мероприятиями, но особо надо отметить ещё одну: 250 лет со дня рождения Николая Карамзина (1766-1826 гг.), российского историка, писа-

теля, реформатора русского языка, журналиста и издателя, почётного члена Российской АН (1818), всемирно известного создателя «Истории государства Российского», основоположника русского сентиментализма («Письма русского путешественника», «Бедная Лиза» и др.), редактора «Московского журнала» (1791-1792 гг.) и «Вестника Европы» (1802-1803 гг.).

Всего в шестнадцатой книге альманаха «Москва Поэтическая» восемь разделов. Это произведения современных поэтов «На кончике пера бушующее море», посвящённые 320-летию регулярного флота России. Во втором разделе «Он старше, если он — поэт» с нами поделились своим творчеством Е. Евтушенко, Н. Добронравов, Б. Ахмадулина, И. Шаферан, В. Гафт, М. Ножкин, В. Бояринов, Ю. Богданов, С. Вермишева, Л. Котюков, В. Силкин и другие известные в России и за рубежом поэты. Третий «Поэзия — вся! — езда в неизвестное» — стихи поэтов-участников проекта «Москва Поэтическая» МГО СПР. Следующие разделы представляют собой поэтические переводы поэтов альманаха; стихи молодых поэтов Москвы; стихи для детей; творчество поэтов других городов и стран и произведения победителей литературных конкурсов.

Наталья РОДИОНОВА,
руководитель проекта
«Москва Поэтическая»
МГО Союза писателей России